

КУЛАЦКИЙ ТЕРРОР В ДЕРЕВНЕ В 1925—1928 гг.

Ю. С. КУКУШКИН

В период перехода от капитализма к социализму деревня являлась важнейшим фронтом классовой борьбы. Там протекала ожесточенная схватка, от исхода которой в большой мере зависели судьбы социализма в нашей стране.

После победы Октябрьской революции кулачество предприняло ряд попыток свергнуть Советскую власть. Вместе с буржуазией города, помещиками и иностранными интервентами кулаки составляли костяк армий контрреволюции, поднимали антисоветские мятежи, стремясь дезорганизовать тыл Красной Армии. «Волна кулацких восстаний перекидывается по России,— писал в 1918 г. В. И. Ленин.— Кулак бешено ненавидит Советскую власть и готов передуть, перерезать сотни тысяч рабочих... Везде жадное, обожравшееся, зверское кулачье соединялось с помещиками и с капиталистами против рабочих и против бедноты вообще. Везде кулачье с неслыханной кровожадностью расправлялось с рабочим классом. Везде оно входило в союз с *иноземными капиталистами* против рабочих своей страны»¹.

С окончанием гражданской войны и иностранной военной интервенции кулачество не прекращало борьбы против Советской власти. То и дело вспыхивали антисоветские мятежи, возникали кулацкие банды. Кульминационным пунктом вооруженных антисоветских выступлений был Кронштадтский мятеж в марте 1921 г. После перехода к новой экономической политике кулацкий бандитизм резко пошел на убыль. Широкие слои трудящихся деревни резко осудили кулачество, мешавшее переводу жизни страны на мирные рельсы. Беднота в союзе с середняком активно помогала Красной Армии в борьбе с бандитизмом. Лишь остатки разгромленных кулацких банд продолжали действовать в отдельных районах страны еще в течение нескольких лет, сам же бандитизм как основная форма борьбы кулачества против Советской власти был сломлен. Во время подавления бандитских выступлений кулачеству был нанесен серьезный урон, и вплоть до 1925 г. наблюдается спад его активности.

Только к концу восстановительного периода, когда кулачество экономически окрепло, а успехи социалистического строительства лишили его надежд на реставрацию капитализма, оно вновь активизирует борьбу против Советской власти. Правда, кулачество не смогло уже полностью восстановиться или хотя бы приблизиться к дореволюционному уровню.

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 37, стр. 39.

Если в дореволюционной деревне было около 15% кулацких хозяйств, то в 1924—1925 гг. только 3,3% или 728 тыс.² Однако они представляли значительную силу, определявшуюся их экономической мощью и влиянием на значительные массы среднего крестьянства и наиболее забытые слои батрачества и бедноты.

Последовательно проводимая Коммунистической партией и Советской властью политика ограничения и вытеснения кулачества не давала возможности капиталистической верхушке деревни подчинить своему влиянию все беднейшее и среднее крестьянство. Кулачество было лишено возможности открыто проводить своих представителей в местные органы власти. Оно было лишено права голоса на выборах в Советы. Несмотря на это, во время каждой избирательной кампании кулачество предпринимало ожесточенные попытки провести своих ставленников в Советы. Кулаки упорно стремились пробраться и в другие государственные и общественные организации, чтобы через них руководить по своему усмотрению развитием деревни. Кулаков бесила помощь, оказываемая Советским государством беднейшим слоям деревни, так как это мешало им закабалять батрачество и бедноту. Борясь против мероприятий Коммунистической партии и Советской власти, кулачество не останавливалось перед выбором средств, в том числе и террора. Освещение кулацкого террора наряду с другими проявлениями кулацкой активности позволяет составить полную картину классовой борьбы в деревне.

Трудно найти работу, посвященную истории советского крестьянства в период перехода от капитализма к социализму, в которой бы не говорилось о классовой борьбе в деревне. И тем не менее этот вопрос освещен довольно слабо. На это неоднократно указывали многие авторы, занимавшиеся историографией крестьянства³. Причина такого положения коренится в том, что при освещении классовой борьбы в деревне, как правило, приводятся не обобщающие данные, а лишь отдельные иллюстрации, что мешает установлению закономерностей процесса. В освещении важных вопросов классовой борьбы допускается путаница. Большинство авторов работ, посвященных истории крестьянства в середине 20-х годов, отмечает постоянное обострение классовой борьбы в деревне, не подкрепляя это положение соответствующими данными. Другие утверждают обратное, опять-таки не приводя никаких обобщающих материалов⁴.

Чтобы покончить с разногласиями в освещении важных вопросов классовой борьбы в деревне, необходимо особое внимание обратить на скрупулезный сбор, обобщение и анализ фактов. Пока эта работа еще далека от завершения. В подавляющем большинстве исследований используются весьма не полные данные, почерпнутые из периодической печати. Иллюстрируя классовую борьбу в деревне накануне массового колхозного движения, обычно используют предварительную сводку о кулацком терроре, опубликованную в «Сельскохозяйственной газете» 5 марта 1929 г.

² В. П. Данилов. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР, М., 1957, стр. 76.

³ См. напр., В. П. Данилов. К итогам изучения истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. «Вопросы истории», 1960, № 8, стр. 62; М. Л. Богденко, И. Е. Зеленин. Основные проблемы истории коллективизации сельского хозяйства в современной советской исторической литературе. «История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. Материалы научной сессии, состоявшейся 18—21 апреля 1961 г. в Москве», М., 1963, стр. 211—215.

⁴ Так, напр., В. А. Сидоров в статье, опубликованной в «Трудах Московского института инженеров землеустройства» (1961, № 13), утверждает, что во время выборов Советов в 1926—1927 гг. кулачество стало применять более осторожную тактику борьбы против Советской власти, уменьшило террор против активистов деревни. Это утверждение не имеет ничего общего с действительностью и опровергается конкретными данными, приводимыми в настоящей статье.

Наиболее серьезным исследованием о классовой борьбе в переходный период от капитализма к социализму является книга И. Я. Трифонова⁵, в которой впервые в советской исторической литературе рассмотрены в различных аспектах взаимоотношения классов в годы нэпа. Но и эта работа страдает недостатком обобщенных данных. Специальных исследований о кулацком терроре за последние два-три десятилетия не публиковалось вообще.

Необходимость скорейшей ликвидации этого недостатка диктуется еще и тем, что в зарубежной антимарксистской литературе грубейшим

	Количество террористических актов		
	1925 г.	1926 г.	1927 г.
I квартал	304	125	240
II квартал	245	109	160
III квартал	155	142	
IV квартал	55	262	

образом извращается история классовой борьбы в СССР. При этом умышленно замалчивается кулацкий террор, а капиталистическая верхушка деревни изображается как невинная жертва коллективизации. Нет почти ни одной работы по истории СССР, опубликованной буржуазными авторами на Западе, где бы не было нападок на политику

ликвидации кулачества как класса. Эта политика часто неправильно изображается как прямое физическое уничтожение капиталистической верхушки деревни⁶. Поэтому необходимо на основании обобщающих данных опровергать эти лживые измышления, показывая всю совокупность различных форм сопротивления кулачества политике Коммунистической партии и Советской власти в деревне.

В настоящей статье ставится задача рассмотреть на материалах РСФСР кулацкий террор как одну из наиболее острых форм классовой борьбы в деревне в период, непосредственно предшествовавший массовому колхозному движению.

В 1924 г. на территории РСФСР было зарегистрировано 313 террористических актов, совершенных кулаками и их наймитами, в 1925 г. — 759, в 1926 — 638, в 1927 — 897, в 1928 г. — 1123⁷. Эти данные говорят о том, что, начиная с 1925 г., идет непрерывный, с небольшим отклонением в 1926 г., рост числа террористических актов со стороны кулачества. В 1928 г. кулацкий террор достиг уже внушительных размеров. Кулачество подготовило почву для перехода к массовым антисоветским выступлениям, которыми оно встретило подъем колхозного движения во второй половине 1929 г. Таким образом, период с 1925 по 1928 г. может быть охарактеризован как период нарастающей активности кулачества, развернувшего борьбу с Советской властью преимущественно методами индивидуального террора. В рамках этого периода кулацкие террористические акты распределяются весьма неравномерно (см. таблицу).

Из таблицы видно, что наибольшая активность кулачества наблюдалась в первом квартале 1925 г., последнем квартале 1926 г. и первом квартале 1927 г., когда в среднем ежемесячно совершалось около ста тер-

⁵ И. Я. Трифонов. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭП'а (1921—1937), М., 1960.

⁶ C. Bouvier. La collectivisation de l'agriculture URSS—Chine—Democraties populaires, Paris, 1958, p. 49, 105, 109 и 133 F. L. Schuman. Russia since 1917, New York, 1957, p. 150.

⁷ Все обобщенные цифровые сведения о кулацком терроре, приведенные в настоящей статье, не претендуют на исчерпывающую полноту. Они почерпнуты из следующих источников: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 49, ед. хр. 127, лл. 46, 47; ед. хр. 160/3, лл. 16, 21; оп. 57, ед. хр. 24/1, лл. 1—13; оп. 267, ед. хр. 192, лл. 138—144; Партийный архив Новосибирской области (ПАНО), ф. 2, оп. 1, ед. хр. 3496, л. 14; Партийный архив Томской области (ПАТО), ф. 76, оп. 1, ед. хр. 488, л. 143; «Правда», 27 октября 1928 г. и 11 июня 1929 г.; «Сельскохозяйственная газета», 5 марта 1929 г.; «Советская Сибирь», 28 ноября 1928 г.; «Власть Советов», 1929, № 14, стр. 17; «Политический и трудовой подъем рабочего класса СССР (1928—1929 гг.)», сб. док., М., 1956, стр. 451; И. Я. Трифонов. Указ. соч., стр. 74.

рористических актов. Все три года кулачество активизировало свои выступления в зимние месяцы. Это объясняется прежде всего тем, что именно зимой проводилось большинство хозяйственно-политических кампаний. Чтобы сорвать их, кулачество использовало все средства.

Прежде всего кулачество стремилось сорвать заготовительные кампании. Обычно в этот период на страницах газет особенно часто появлялись сообщения о кулацких выступлениях. Так, в газете «Советская Сибирь» 22 ноября 1928 г. прокурор Томского округа рассказывал о нескольких преступлениях кулаков. Нападению подверглись два председателя сельских Советов и один уполномоченный по заготовкам. В деревне Лукиной, Болтинского района, Томского округа в председателя сельсовета коммуниста Г. Ледехова стрелял зажиточный крестьянин того же села, родственник крупнейших в округе кулаков братьев Туруновых, у которых Ледехов во время заготовок обнаружил до 1000 пудов спрятанного зерна. «Бурятская правда» 14 марта 1929 г. сообщала, что только в одном Верхнеудинском уезде Бурятской АССР во время хлебозаготовок кулаки организовали покушение на председателя Хасуртаевского сельсовета, сожгли усадьбу бедняка — члена комиссии содействия заготовкам в селе Большой Купалей и организовали избиение членов сельсоветов и активистов в селах Жириме и Троицком, в Аларском, Баханском и других аймаках.

Зимой наряду с заготовками проводились и такие важнейшие политические кампании, как выборы сельских Советов, во время которых классовая борьба достигала особенно высокого накала. Кулаки стремились любыми средствами пробраться в Советы или провести в них своих ставленников. Лучшие представители беднейшего и среднего крестьянства противодействовали этому, разоблачая ухищрения кулачества, за что кулаки платили им звериной ненавистью, часто выливавшейся в террор. Так, по неполным данным только в декабре 1928 г. было зарегистрировано около 900 контрреволюционных выступлений кулачества, непосредственно связанных с избирательной кампанией, из которых 90 вылились в покушения, угрозы и вредительство⁸. В селе Благовещенске Барабинского округа группа кулаков набросилась на членов сельского Совета с криком: «Бей Советскую власть и селькоров за то, что они лишили нас права голоса!». В селе Анненкове Ульяновского округа на открытом партийном собрании, обсуждавшем вопросы избирательной кампании, был убит член президиума райисполкома М. Цветков⁹.

Кулачество активизировало свои действия не только в период проведения хозяйственно-политических кампаний внутри страны, но и во время осложнений международного положения. Так, усиление империалистического нажима на СССР в 1927 г. было поддержано кулачеством внутри страны. Когда в Польше пролилась кровь советского полпреда П. Л. Войкова, от рук кулацких убийц в деревне пали десятки лучших представителей крестьянства. Когда в Лондоне и Пекине наймиты империалистов громили советские представительства, в деревне кулаки жгли колхозы и дома активистов. Эти совпадения были не случайны. О связях кулачества с белогвардейской эмиграцией и империалистическими разведками свидетельствуют многочисленные факты засылки в деревню контрреволюционной литературы из-за рубежа. Так, в Воронежскую губернию присылали контрреволюционные листовки из США, Франции, Китая и Югославии. В Псковскую губернию их забрасывали в основном из Риги¹⁰. Руководители самых агрессивных империалистических кругов при подготовке планов войны против СССР не без оснований рассматривали кулачество как своего союзника.

⁸ «Деревенский коммунист», 1929, № 2, стр. 22.

⁹ ПАНО, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 2957, л. 29; «Электрозавод», 21 декабря 1928 г.

¹⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 267, ед. хр. 187/3, лл. 36, 83; ед. хр. 187/1, л. 23.

Количество террористических актов кулачества было весьма неравномерно распределено не только во времени, но и по территории. В отдельных районах страны в период с января 1925 г. по август 1927 г. было зарегистрировано террористических актов кулачества: в Сибири — 571, в Центре — 330, в Дальневосточном крае — 286, на Северо-Западе — 180, на Западе — 169, в Поволжье — 157, на Северном Кавказе — 117, на Урале — 99.

Наибольшую активность проявляло кулачество Сибири. Объясняется это многими причинами и прежде всего тем, что там были сосредоточены самые крупные кулацкие хозяйства, удельный вес которых в деревне был весьма высок. Следует учитывать, что сибирское кулачество не было ослаблено комбедами. Оно получило богатый опыт борьбы с Советской властью на стороне Колчака и иностранных военных интервентов, сохранив значительные запасы оружия. Немаловажное значение имело то, что в Сибири после гражданской войны осело особенно большое количество эсеров, меньшевиков и представителей других контрреволюционных партий, направлявших действия кулачества.

Большого напряжения достигла классовая борьба в Центре, где расслоение деревни приняло особенно отчетливые формы. Кулачество центральных губерний отличалось особой живучестью прежде всего потому, что оно тысячами нитей было связано с нэпманской буржуазией промышленных городов. Занимаясь спекуляцией на городских рынках, кулаки этих губерний имели больше возможностей маскировать эксплуататорскую сущность своих хозяйств в деревне. Преследуя активистов деревни, они надеялись, что в случае необходимости смогут укрыться в городе от заслуженной кары за свои преступления.

Против кого же было направлено острое кулацкого террора? Особую ненависть кулачества вызывали лучшие представители беднейшего и среднего крестьянства, боровшиеся за социалистическое переустройство деревни. Жертвами кулацкого террора в период с 1 января 1926 г. по 1 сентября 1927 г. стали 1150 человек. Из них 33,4% составляли беспартийные работники низового советского государственного аппарата, 31,5% — члены сельских партийных и комсомольских организаций, 6% — сельские корреспонденты газет и журналов, 2,5% — работники земельных органов и остальные 26,6% приходятся на других активистов деревни. Таким образом, наибольший процент пострадавших от кулацкого террора приходится на низовых советских работников. Кулачество прежде всего наносило удар по государственным органам диктатуры пролетариата в деревне, по столь ненавистным им Советам.

Наряду с советскими и партийными работниками особенно часто жертвами кулачества становились сельские корреспонденты газет и журналов, разоблачавшие в печати эксплуататорскую сущность капиталистической верхушки деревни. Всю страну облетело в 1924 г. известие о трагической гибели от рук кулацких убийц в деревне Дымовке селькора Г. Малиновского. Только в январе — феврале 1925 г. на территории РСФСР было отмечено 67 случаев преследований селькоров¹¹. В. А. Карпинский писал 3 октября 1924 г. в «Правде»: «Преследования и убийства селькоров стали массовым явлением. Не проходит месяца или даже двух недель без того, чтобы не получалось известия о гибели того или иного деревенского брата-писателя на его опасном и славном посту. А жестокие преследования, травля, избиения, поджоги, уничтожение имущества, вытаптывание посевов и т. п. сыплются на селькора, как из рога изобилия. Преследователями и убийцами всегда оказываются кулацкие элементы деревни».

Кто же непосредственно осуществлял террор? Не всегда удавалось обнаружить террористов, но в подавляющем большинстве раскрытых

¹¹ «Беднота», 14 марта 1925 г.

преступлений их организаторами и исполнителями были сами кулаки. Из 1290 задержанных участников террористических актов, совершенных в период с 1 января 1926 г. по 1 сентября 1927 г. на территории Северо-Запада, Урала, Сибири и Дальнего Востока, 83,6% составляли крестьяне, остальные были выходцами из различных социальных групп, не связанных с сельским хозяйством: бывшие белогвардейские офицеры, царские чиновники и различные деклассированные элементы. Из числа задержанных крестьян 69,4% составляли кулаки, а остальные 29,6% — середняки и бедняки. Широко используя свое экономическое могущество, подкуп, родственные связи, обман и запугивание, кулачество всячески стремилось вовлечь в террористическую деятельность беднейшее и среднее крестьянство. Привыкшее эксплуатировать наемный труд, кулачество и здесь стремилось грязные и опасные дела вершить чужими руками, чтобы самому остаться в тени. И хотя эти попытки в ряде случаев имели успех, все же подкулачников среди задержанных преступников было в два раза меньше, чем кулаков¹².

Одним из распространенных методов кулацкого террора являлись убийства. Из 1150 террористических актов, совершенных в период с 1 января 1926 г. по 1 сентября 1927 г., 11,5% составляют убийства, 40,4% — ранения и избиения, 40,4% — покушения и угрозы. Последние две группы преступлений не вылились в убийства по обстоятельствам, не зависевшим от кулаков и их наймитов.

Другим распространенным методом классовой мести кулачества был поджог. В рассматриваемый период 7,5% всех кулацких террористических актов составляли поджоги. Пожары издавна являлись самым распространенным бедствием деревни, и потому установить истинных виновников их возникновения не всегда удавалось. По данным статистики социального страхования, на территории Советского Союза было зарегистрировано пожаров: в 1922/23 хозяйственном году 30 255, в 1923/24 г. — 68 464, в 1924/25 г. — 93 475, в 1925/26 г. — 96 632, в 1926/27 г. — 116 228, в 1927/28 г. — 120 000.

Резкое увеличение числа пожаров приходится на конец восстановительного периода, что в общем совпадает с усилением террористических выступлений кулачества. В дальнейшем наблюдается непрерывное увеличение числа пожаров, и это не случайно. Нельзя, конечно, все пожары рассматривать как акты классовой мести. Однако в том, что «красный петух» особенно часто начал метаться по крестьянским дворам в период обострения классовой борьбы в деревне, в огромной мере повинно кулачество.

Являлись ли террористические акты стихийным выражением недовольства со стороны отдельных кулаков деятельностью некоторых активистов деревни или они заранее готовились контрреволюционными группами и были направлены против важнейших мероприятий Советской власти и Коммунистической партии? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим следующие факты.

В 1925 г. в станице Архангельской Тихорецкого района была раскрыта кулацкая религиозно-монархическая организация из 27 человек. В конце 1927 г. были ликвидированы 7 антисоветских группировок в

¹² Кулакам удавалось использовать в качестве исполнителей террористических актов только наиболее зависимых от них, отсталых бедняков и середняков, так называемых подкулачников. По мере того как росла организованность бедноты и креп ее союз со средним крестьянством, кулачеству все труднее приходилось вербовать наемников. Поэтому, если в 1926—1927 гг. подавляющее большинство преступлений было совершено непосредственно кулаками, а меньшая часть подкулачниками, то едва ли эта пропорция могла измениться в 1928—1929 гг. в сторону увеличения последних. Скорее наоборот. Вызывает сомнение не подтвержденное фактами положение И. Я. Трифонова о том, что в 1928—1929 гг. кулаки выступали главным образом в качестве организаторов террористических актов, исполнителями которых были подкулачники из бедняков и середняков (см. И. Я. Трифонов. Указ. соч., стр. 206).

Курской губернии, 7 — в Воронежской, 5 — в Рязанской, 2 — в Орловской и по одной в Вятской, Иваново-Вознесенской, Тамбовской и Тульской губерниях. В конце 1928 г. в Барабинском округе было обнаружено 16 кулацких группировок¹³.

Многие кулацкие группировки оставались нераскрытыми долгие годы и были обезврежены только в период ликвидации кулачества как класса. О них говорил в июле 1929 г. на пленуме Средне-Волжского обкома ВКП(б) М. М. Хатаевич: «Такая группа была, например, в селе Алеёво, Кузнецкого округа. В «активе» этой группы два убийства, — коммуниста члена сельсовета и селькора, — оставшихся совершенно безнаказанными. В «активе» других таких же кулацко-поповских групп многие искалеченные и избитые бедняки-активисты»¹⁴. Конечно, не все террористические акты были совершены членами подпольных кулацких организаций. Нередко борьбу против деревенского актива кулаки вели в одиночку. Но наибольшую опасность представляла террористическая деятельность кулацких организаций, которые нередко служили основой для организации банд, открыто выступавших против Советской власти. Такие банды, например, были созданы в начале 1924 г. в Приморье. Наиболее крупные из них возглавляли колчаковцы — полковник Коростылев, есаул Семенов и полковник Ширяев. О характере бандитских выступлений можно судить по организованному в январе 1924 г. кулацкому мятежу в Благовещенском уезде. Бандиты выдвинули монархические лозунги и под трехцветными царскими флагами начали расправляться с деревенскими активистами. Ими было убито 26 человек, из которых двое были батраками и пятеро бедняками. Один из наиболее жестоких колчаковских генералов Семенов, скрывавшийся в то время в Китае, специальной телеграммой поздравил мятежников и направил им в помощь трех своих офицеров. После того как кулацкие банды были разгромлены, их главарь бежал за границу¹⁵. Ясно, что контрреволюционные организации способствовали усилению кулацкого террора.

Осуществлялся ли террористический акт членами подпольных контрреволюционных организаций или же кулаками-одиночками, он, как правило, долго и тщательно готовился. Об этом прежде всего свидетельствуют методы осуществления преступлений. За отдельными активистами кулаки нередко устраивали настоящую охоту. И если покушение не заканчивалось убийством сразу, то его повторяли многократно. Так, во второй половине 1928 г. кулаки Корсаковского района ЦЧО сожгли дом председателя сельского Совета Макарова, а через месяц после этого убили его. В 1927 и 1928 гг. были организованы террористические акты, направленные против председателя Верхне-Хотемского сельского Совета, Фатежского района ЦЧО Косилова¹⁶.

Одним из наиболее распространенных методов кулацкого террора было убийство из огнестрельного оружия. Особенно часто кулаки убивали активистов, стреляя в них через окно. Так были убиты председатели сельских Советов в Балашовском уезде Саратовской губернии и Ново-Буянской волости Самарского уезда. Так был ранен председатель сельского Совета в Петровском уезде Саратовской губернии¹⁷.

Иногда в ход пускались бомбы. В селе Фофаново Бурят-Монгольской автономной области в сентябре 1927 г. в дом секретаря сельского Совета

¹³ ЦПА ИМЛ, ф. 78, оп. 1, ед. хр. 435, л. 111; ф. 17, оп. 49, ед. хр. 104/106, л. 15; ПАНО, ф. 2, оп. 2—1, ед. хр. 2953, л. 55.

¹⁴ М. М. Хатаевич. Классовая борьба в деревне и наши задачи, Самара, 1930, стр. 17.

¹⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 267, ед. хр. 53, лл. 29, 38, 42; ЦГА РСФСР Дальнего Востока, ф. — р 1, оп. 1, д. 171, лл. 21—22; д. 199, лл. 6, 7, 20, 31.

¹⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 49, ед. хр. 127, лл. 46, 47.

¹⁷ Там же, оп. 31, ед. хр. 47, л. 30; ед. хр. 162, л. 9; оп. 267, ед. хр. 192, л. 140; ПАНО, ч. 2, оп. 1, ед. хр. 2582, л. 9.

Тимофеева была брошена бомба, осколками которой были ранены Тимофеев, его жена и ребенок. Поджучачник Дыба в декабре 1928 г. бросил бомбу в помещение Петропавловского сельского Совета Канского округа. В селе Новоселовка Прокуроровского округа в печь здания сельского Совета была заложена бомба¹⁸.

О тщательной подготовке террористических актов свидетельствует и тот факт, что нередко они были направлены сразу против целых групп активистов. Наибольшую известность получило так называемое Лудорвайское дело. В июне 1928 г. в деревнях Лудорвай, Лудзя и Юски в Удмуртии кулачество организовало массовую порку розгами около 300 бедняков и середняков. Особенно зверским истязаниям были подвергнуты активисты деревни. Аналогичные факты в разное время имели место и в других районах страны. Так, кулаки села Никольского Козловской волости Московской губернии в январе 1925 г. избили группу бедняков. В ноябре 1928 г. кулаки села Реброво в Сибири организовали массовую порку 15 батраков¹⁹.

Кулаки отличались садистской жестокостью. Их жертвы, избежавшие смерти, часто на всю жизнь оставались инвалидами. Трупы убитых ими людей часто были обезображены до неузнаваемости. Осенью 1927 г. в деревне Сизово Барабинского округа по инициативе бедноты, вопреки желанию зажиточной верхушки деревни, был произведен передел земли. Инициатор этого передела — секретарь сельского Совета добился того, что лучшие земли были отданы бедноте. За это кулаки, пытаясь убить ненавистного им активиста, нанесли ему двенадцать ножевых ран. У убитого в деревне Кузьминково Клинского уезда Московской губернии председателя уездного исполнительного комитета было обнаружено шестнадцать ран в голову²⁰.

Кулачество не останавливалось перед убийством женщин, стариков и даже детей. Так, 31 декабря 1925 г. были убиты председатель Лондоковского сельского Совета Завитинского уезда Амурской губернии Сидоров, его мать, жена и ребенок. Кулак Шишкин, 18 марта 1923 г. убил председателя Ситниковского сельсовета Еланского района Омского округа И. Паховцева вместе с его матерью²¹.

Организуя террористические акты, кулачество преследовало многие цели. Оно, во-первых, стремилось физически уничтожить сельских активистов, во-вторых, запугать батрачество и бедноту и, в-третьих, угрозами привлечь на свою сторону среднее крестьянство, чтобы сорвать социалистическое переустройство деревни. Но эти попытки были обречены на провал. Вместо погибших в борьбу включались новые сотни и тысячи лучших представителей крестьянства. На могилах павших тезарищей они клялись довести их дело до конца. Погибшие герои продолжали жить в названиях колхозов, в их делах. Так, в ответ на убийство активиста партийного работника, члена президиума райисполкома М. Цветкова крестьяне села Анненково Ульяновского округа на общем собрании приняли решение беспощадно бороться с кулаками-убийцами. На этом же собрании 40 крестьянских хозяйств подало заявление о принятии их в колхоз²². Кровавые преступления кулаков будили самосознание беднейшего крестьянства, которое еще теснее сплачивало свои ряды, организуя

¹⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 49, ед. хр. 161/1, л. 25; Госархив Новосибирской области, ф. 4, оп. 1, д. 1154, л. 9; ПАНО, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 2582, л. 8; оп. 2—1, ед. хр. 2134, л. 33.

¹⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 267, ед. хр. 190, л. 142; Госархив Новосибирской области, ф. 20, оп. 2, д. 189, лл. 249—250, 254; «Советская Сибирь», 27 ноября 1928 г.

²⁰ ПАНО, ф. 2, оп. 5, ед. хр. 19, л. 23; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 267, ед. хр. 192, л. 140.

²¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 49, ед. хр. 87, лл. 28—29; ЦГА РСФСР Дальнего Востока, ф. — р 1771, оп. 1, д. 645, л. 8.

²² «Электрозавод», 21 декабря 1929 г.

батрачко-бедняцкие пруппы. Они отталкивали от кулаков колебавшихся середняков. Однако, несмотря ни на что, кулаки с упорством обреченных продолжали наносить все новые и новые удары в спину идущих к социализму крестьян.

Интересы беднейшего и среднего крестьянства последовательно отстаивали Коммунистическая партия и Советская власть. Законодательство, органы милиции, суда и прокуратуры оберегали жизнь и имущество бедняков и середняков от покушений со стороны кулачества. В ряде случаев непосредственно в ответ на кулацкий террор карательные органы Советского государства усиливали преследования преступников, покушавшихся на жизнь и имущество активистов деревни. После того как участились случаи нападений на сельских корреспондентов Верховный суд Союза ССР постановил рассматривать террористические акты в отношении рабселькоров как контрреволюционные по 58-й статье Уголовного кодекса. Народный комиссариат юстиции дал указание всем прокурорам обратить особое внимание на защиту рабселькоров. Участников террористических актов против них обычно приговаривали к высшей мере наказания.

Борьбой с контрреволюционной деятельностью кулачества руководила Коммунистическая партия. Тысячи постоянно работавших в деревне и командированных из городов коммунистов сплачивали беднейшее и среднее крестьянство, организуя отпор кулачеству. Все факты кулацкого террора доводились до сведения ЦК Коммунистической партии, который принимал необходимые меры для пресечения контрреволюционной деятельности капиталистической верхушки деревни. Так, например, сразу же после массового избиения бедноты и середняков в селах Лудорвай, Лудзя и Юски Центральный Комитет провел обследование работы Удмуртской партийной организации и принял меры по мобилизации ее на борьбу с кулачеством. Сельские партийные организации разъясняли постановление ЦК ВКП(б) на собраниях бедноты. Организаторы массовой порки были сурово наказаны. Десять наиболее активных кулаков были осуждены на различные сроки заключения, а четверо — к высылке за пределы Удмуртии²³.

Коммунистическая партия и Советская власть, вырабатывая политику в отношении капиталистической верхушки деревни, наряду с другими факторами, учитывали и кулацкий террор. Особое внимание при этом обращалось на постоянное увеличение количества кулацких выступлений. Динамика террора показывала, что в дальнейшем по мере усиления темпов коллективизации следует ожидать возрастания сопротивления кулаков этому процессу. Конкретная политическая обстановка, складывавшаяся в деревне, начисто опровергала утверждение правооппортунистической группировки Бухарина, Рыкова, Томского о «врастании кулака в социализм», о «затухании классовой борьбы».

Особое обострение классовой борьбы в деревне в период проведения важнейших хозяйственно-политических кампаний на протяжении ряда лет говорило о том, что при осуществлении массовой коллективизации сопротивление кулачества неизбежно усилится и примет наиболее крайние формы. Поэтому, готовя массовое колхозное движение, Коммунистическая партия и Советская власть должны были постоянно заботиться об организации отпора кулачеству. Учитывалось при этом и то, что наиболее агрессивные круги империалистов планировали использование кулачества в качестве своего союзника в возможной войне с Советским Союзом.

Крестьянство резко реагировало на все случаи проявления кулацкого террора, осуждая преступников. На собраниях принимались резолюции, требовавшие усиления репрессий против кулачества. Это давало основа-

²³ «Правда», 30 октября 1928 г.; «Ижевская правда», 4 января 1929 г.

ния полагать, что усиление карательной политики Советского государства в отношении кулачества будет одобрительно встречено крестьянством.

Перечисленные обстоятельства, наряду с многими другими, учитывались Коммунистической партией и Советской властью при выработке политики в отношении кулачества в период массовой коллективизации сельского хозяйства. Кулацкий террор был одним из важных факторов, вызвавших необходимость проведения политики ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации. Сущность этой политики сводилась к лишению капиталистических элементов деревни производственных источников, позволявших им эксплуатировать наемный труд. Она предусматривала выселение кулацких семей из пределов района сплошной коллективизации. Политика ликвидации кулачества как класса предписывалась интересами многомиллионных масс трудящихся деревни. Этой политикой Коммунистическая партия и Советская власть оказывали решительную поддержку бедняцко-середняцким слоям в борьбе с капиталистической верхушкой деревни. Эта мера была чрезвычайно своевременной. Нельзя было переходить к политике раскулачивания до начала сплошной коллективизации, так как продолжавшееся расслоение деревни неизбежно привело бы к возрождению кулачества. Нельзя было медлить с переходом к этой политике, так как это сорвало бы нормальное развитие колхозов и привело бы к опрометной растрате человеческих жизней. Правильность такой политики была подтверждена кулацким террором накануне и кулацкими выступлениями в период сплошной коллективизации сельского хозяйства. Выселение кулачества из районов массового колхозного движения было важнейшей необходимой мерой социальной защиты.

Тот факт, что выселяемым кулацким хозяйствам оставлялась часть сельскохозяйственного инвентаря, отводились новые земли, выделялись ссуды для возведения жилых, хозяйственных и культурных построек и т. п., говорит о том, что не может быть речи ни о какой классовой мести в отношении кулачества. Настрадавшееся от кулацкой кабалы беднейшее крестьянство, родственники и друзья погибших от рук кулацких убийц активистов, оставшиеся в живых жертвы кулацкого террора часто при раскулачивании готовы были выйти, а иногда и выходили, за рамки, предусмотренные законом о ликвидации кулачества как класса. Но Коммунистическая партия и Советская власть постоянно сдерживали в этом отношении крестьянство. Об этом, в частности, говорил М. И. Калинин: «Характерно, что когда едешь по местам и смотришь на это могучее антикулацкое движение, то невольно констатируешь, что органы власти в 95 случаях из 100 приходится в области раскулачивания играть сдерживающую роль»²⁴.

Коммунистическая партия и Советская власть никогда не рассматривали репрессии против кулачества как самоцель. Об этом убедительно свидетельствуют многочисленные факты. Так, в самый разгар осуществления политики ликвидации кулачества как класса, 3 июля 1931 г., было издано постановление ЦИК Союза ССР, по которому бывшие кулаки и члены их семей по истечении пяти лет после высылки могли быть восстановлены во всех гражданских правах при условии, что они в течение этого времени покажут себя честными и добросовестными тружениками и всем своим поведением докажут, что прекратили борьбу против Советской власти. Последующими законодательными актами ЦИК СССР решил досрочное восстановление во всех гражданских правах тех бывших кулаков и членов их семей, которые особо отличились на производстве и активно участвовали в общественной работе²⁵.

²⁴ М. И. Калинин. На путях сплошной коллективизации, Воронеж, 1930, стр. 16.

²⁵ СЗ СССР, 1931 г., отд. I, № 44, стр. 542; 1934 г., отд. I, № 33.

Правильность проводившейся Коммунистической партией и Советской властью политики ликвидации кулачества как класса подтверждена историей. Здоровые элементы из числа представителей бывших кулацких семей в ходе трудового перевоспитания стали честными тружениками и получили права советских граждан. В годы наиболее суровых испытаний, в период Великой Отечественной войны, они со всем советским народом встали на защиту Родины. Многие из них пали смертью героев в борьбе с фашизмом, многие были награждены орденами и медалями²⁶. А наиболее оговоренные представители бывших кулаков, при первой же возможности изменив Родине, активно сотрудничали с гитлеровцами. В годы Великой Отечественной войны они пролили немало крови советских граждан. Бежав от возмездия советского народа, они продолжают активно сотрудничать с наиболее агрессивными кругами империалистов. Их услугами широко пользуются империалистические разведки. О настроениях отщепенцев, отказавшихся вернуться на Родину после войны, ярко свидетельствует опрос, произведенный сотрудниками русского исследовательского центра Гарвардского университета в США. Одна из составленных ими анкет содержала вопрос: «Одобряете ли вы немедленную атомную бомбежку Москвы с целью уничтожения большевистских руководителей, зная, что это приведет к уничтожению тысяч ни в чем не повинных мужчин, женщин и детей?»

Характерно, что подавляющее большинство опрошенных на этот вопрос ответили утвердительно²⁷.

В годы, предшествовавшие массовому колхозному движению, беднейшее и среднее крестьянство в борьбе с кулацким террором не только не ослабло и не отказалось от социалистического переустройства деревни, но еще больше окрепло и закалилось, подготовив последний решительный удар по эксплуататорской верхушке деревни. Политика ликвидации кулачества как класса обеспечила успешное развитие колхозного строя.

²⁶ См. об этом: А. П. Финаров. К вопросу о ликвидации кулачества как класса и судьбе бывших кулаков в СССР. «История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР», М., 1963, стр. 273—279; В. Т. Шуклецов. Из истории экспроприации и трудового перевоспитания кулачества в Сибирском крае. «Из истории партийных и советских органов в Сибири», Новосибирск, 1962, стр. 142—164.

²⁷ A. Inkeles and R. A. Bauer. The Soviet Citizen, Cambridge, Mass., 1959, p. 434.

